

разныхъ университетскихъ мѣстахъ, гдѣ бы онъ былъ освобожденъ отъ практическихъ заботъ по школѣ и нашелъ бы аудиторію, способную выслушивать его лучшія мысли. Тѣмъ временемъ слава его постепенно росла и приводила его въ сношенія со многими философскими писателями и учеными, которые, не имѣя опредѣленнаго направленія, шли далѣе философій Фихте и Шеллинга и привѣтствовали съ радостью новый свѣтъ „Феноменологіи“ и „Логики“. Вдругъ, въ полѣ 1816 г., когда онъ только что собирался напечатать послѣдній томъ „Логики“, онъ получилъ три предложенія кафедръ философіи: изъ Эрлангена, изъ Гейдельберга и изъ Берлина, — хотя въ берлинскомъ приглашеніи выражалось нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, не могло ли его долгое удаленіе отъ университетской дѣятельности лишить его рѣчь той авторитетной силы, которая необходима въ университетѣ. Гегель принялъ приглашеніе въ Гейдельбергъ и, наконецъ, на сорокъ седьмомъ году достигъ положенія, освобождавшаго его отъ другихъ заботъ и дававшаго ему возможность прямого вліянія на университетское преподаваніе, чего онъ такъ давно желалъ.

ГЛАВА V.

Гегель профессоромъ въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ. — Его характеръ и вліяніе.

Въ продолженіе восьми лѣтъ, проведенныхъ Гегелемъ въ Нюрнбергской гимназіи, въ судьбѣ Германіи произошла большая перемѣна. Бѣдствія русской кампаніи нанесли первый ударъ могуществу французскаго императора, который казался непобѣдимымъ, а Пруссія, возрожденная

реформами Штейна и Гарденберга, положила начало германскому возстанію, которое кончилось низложеніемъ Наполеона. Вѣнскій конгрессъ сдѣлалъ все возможное, чтобы вызвать нѣкоторый порядокъ изъ смутнаго результата войны, и попытался также нѣсколько обуздать національныя страсти, пробужденныя войной. Но Германія волновалась еще, какъ море послѣ бури. Неопредѣленное ожиданіе великаго результата отъ столькихъ жертвъ, усиліе представителей старо-германской системы возстановить исчезнувшія историческія права, необходимость сколько-нибудь удовлетворить стремленіе къ національному единству, и политика различныхъ династій, направленная къ возстановленію ихъ отдѣльной независимости, — всѣ эти тенденціи и вліянія смутно боролись одни противъ другихъ. Въ общемъ, желаніе мира и отдыха послѣ столькихъ лѣтъ смуты и страхъ революціи, вызванный примѣромъ Франціи, преобладали надъ всѣми другими чувствами. Германская нація не ясно сознавала, чтѣ ей было нужно, и не была расположена напрягать продолжительныя усилія, чтобы пересоздать свои учрежденія. Все, чего можно было ожидать, было лишь обезпеченіе какого-либо дѣйствительнаго компромисса, который могъ бы породить лучший порядокъ вещей, такъ какъ приспѣло время для новаго прогресса.

Гегель, какъ мы увидимъ, былъ глубоко заинтересованъ политическою проблемой, но прежде всего онъ естественно чувствовалъ, что пришло время, когда интересы культуры и философіи, которые были заглушены шумомъ войны, могутъ быть услышаны, и эта идея выражена въ его вступительной рѣчи въ Гейдельбергѣ.

„Пока духъ міра былъ такъ занятъ внѣшними интересами, онъ не могъ углубиться внутрь себя, или сосредоточиться въ самомъ себѣ; но теперь, когда потокъ событий, такъ быстро несшій насъ, остановленъ, — теперь, когда германскій народъ спасся мечомъ отъ худшей изъ тиранній и вернулъ себѣ національность, эту основу царства земного, на которомъ сосредоточивались до сихъ поръ всѣ помыслы и усилія, можно тоже думать и о царствѣ Божіемъ; другими словами, что, кромѣ политическихъ и другихъ свѣтскихъ интересовъ, наука и философія, свободные интересы ума могутъ также воспрянуть для обновленной жизни... Эта надежда тѣмъ болѣе разумна, — говоритъ Гегель, — что философія есть особое призваніе германской націи. Исторія указываетъ намъ, что когда въ другихъ странахъ отъ философіи осталось одно названіе, она сохранилась, какъ специальное достоинство германскаго народа. Мы получили отъ природы высокое призваніе быть стражами этого священнаго огня, такъ же, какъ въ раннія времена міровой духъ сохранялъ высшее сознаніе въ іудейскомъ народѣ для того, чтобъ отъ нихъ, отъ іудеевъ, оно могло вновь возстать, какъ новая духовная сила въ мірѣ... Будемъ вмѣстѣ привѣтствовать зарю лучшаго времени, когда духъ, доселѣ изгнанный изъ самого себя, можетъ возвратиться въ самого себя и завоевать мѣсто и просторъ, чтобы основать свое собственное царство“.

Гегель началъ свои лекціи съ аудиторіей изъ четырехъ слушателей, которые однако возросли до двадцати на одномъ изъ его курсовъ и до тридцати на другомъ.

Гейдельбергъ предоставилъ ему возможность расширить познанія въ области искусства, и тамъ онъ впервые читалъ лекціи по эстетикѣ. Но трудъ, болѣе всего поглощавшій его, была „Энциклопедія“, — общий очеркъ его системы, состоящій изъ короткихъ сжатыхъ параграфовъ, которые онъ часто клалъ въ основаніе своихъ лекцій *).

Этотъ трудъ позже было значительно расширенъ и развитъ, но, въ первоначальной формѣ, онъ отличается сжатостью, краткой энергіей и законченностью выраженія, которыхъ Гегель никогда не превосходилъ. Въ этотъ періодъ своей жизни, какъ сообщаютъ о немъ, онъ удалялся отъ общества и такъ напряженно сосредоточивался въ усиліи приложить свои принципы къ исторіи и природе, что иногда терялъ всякое сознаніе внѣшнихъ предметовъ. Студенты его думали, что онъ лѣнивъ, потому что постоянно видалъ его стоящимъ часами у своего окна и смотрящимъ на туманные холмы и лѣса Гейдельберга. Рассказываютъ, что однажды, когда онъ шелъ въ университетъ послѣ сильнаго дождя, онъ потерялъ башмакъ въ грязи и не замѣтилъ этого. На общую массу студентовъ онъ не имѣлъ большого вліянія, но онъ постепенно привлекалъ къ себѣ тѣхъ, которые имѣли какую-либо способность къ философіи. И въ продолженіе всего пребыванія Гегеля въ Гейдельбергѣ имя его все болѣе приобретало значенія, несмотря на общія мѣстныя тенденціи, кото-

*) Многіе нѣмецкіе профессора до сихъ поръ сохраняли подобный пріемъ: они диктуютъ своимъ слушателямъ по мѣрѣ своихъ чтеній краткій конспектъ своего курса, составляющій какъ бы его остоу или общій очеркъ (Grundriss), обыкновенно раздѣленный на параграфы. *Ред.*

рия, кажется, относились скорѣе неблагоклонно къ изученію философіи.

Гегель написалъ въ то время двѣ значительныя статьи въ Гейдельбергскомъ альмапахѣ,—одну о Якоби, а другую о конституціонной борьбѣ Вюртемберга,—статьи, которыя сразу опредѣлили отношеніе Гегеля къ религіозной и политической жизни его эпохи. На Якоби, такъ же какъ и на Фихте, Гегель сильно нападалъ въ критическомъ журналѣ, когда онъ и Шеллингъ вели свою первую борьбу противъ философскаго міра; но теперь, достигнувъ большей ясности, Гегель приобрѣлъ больше спокойствія и призналъ, что если не въ методѣ, то въ пѣли онъ схолился съ Якоби. Гегель продолжаетъ критиковать произвольныя интуитивныя приемы этого философа, который „выпаливалъ“ свои идеи, „какъ изъ пистолета“; онъ критикуетъ его недостатокъ діалектики и неспособность узнавать свои собственныя мысли, представленныя ему въ другомъ выраженіи. Но онъ признаетъ, что несмотря на все это, интуиціи Якоби вѣрны и что, по-своему, онъ сохранилъ живою существенную идею философіи—идею о томъ, что начало всѣхъ вещей есть духовное начало. Эта *amende honorable* очень утѣшила старика, съ которымъ еще недавно довольно грубо обошелся Шеллингъ, и онъ пріѣхалъ въ Гейдельбергъ обнять Гегеля и благодарить его за его признаніе.

Во второй статьѣ, о ходѣ дѣлъ въ Вюртембергскихъ Штатахъ, мы имѣемъ первое *напечатанное* слово Гегеля о политикѣ, хотя, какъ мы видѣли, онъ все время сильно интересовался политическимъ движеніемъ и дважды былъ готовъ обнародовать свои взгляды. Перемѣны, че-

резъ которыя проходили его мнѣнія объ этомъ предметѣ, шли рука объ руку съ общимъ развитіемъ его системы. Юношескій энтузіазмъ къ свободѣ, возбужденный въ немъ французскою революціей, измѣнился подъ влияніемъ опыта, частью же въ силу собственнаго прогресса и вышелъ за предѣлы индивидуалистическихъ взглядовъ на общество. Философъ перешелъ къ концепціи государства, какъ органическаго единства, въ которомъ личность находитъ средства для своего воспитанія, какъ нравственнаго и разумнаго существа, и вмѣстѣ съ тѣмъ сферу дѣятельности для своихъ специальныхъ способностей. Во время наиболѣе тѣснаго союза Гегеля съ Шеллингомъ, его концепція единства государства была такъ исключительна, что даже приближалась къ воскрешенію греческаго аристократическаго социализма (какой мы находимъ, напримѣръ, у Платона). Но даже тогда онъ сознавалъ, что греческій идеалъ не можетъ быть примѣненъ къ новѣйшей жизни безъ измѣненія, и что новѣйшее государство должно пытаться согласовать единство древней республики съ признаніемъ независимыхъ правъ и личной свободы человѣка,—что показалось бы анархіей древнему республиканцу, Платону или Аристотелю. Новѣйшее государство не должно быть расширенною семьей или социалистическою коммуной, въ которой личность исчезаетъ; а также, съ другой стороны, оно не должно быть „соціальнымъ контрактомъ“ личностей, не имѣющихъ между собой жизненныхъ отношеній,—никакихъ сношеній, которыя бы не были произведеніемъ ихъ собственной воли. Однако же, въ нѣкоторомъ смыслѣ, оно должно объять эти обѣ

идеи и примирить ихъ въ одну. Подобно семьѣ, оно должно быть основано на природѣ, на общности расы и языка; оно должно утверждаться на отношеніяхъ, которыя безусловно независимы и отъ капризовъ личностей (и признаются таковыми). Эта цѣль, какъ думалъ Гегель, могла быть лучше всего достигнута въ наследственной монархіи, гдѣ лице монарха становится какъ бы утвержденнымъ пунктомъ, не подлежащимъ какому-либо обсужденію, и является представителемъ историческаго единства народа. Съ другой стороны, государство должно также быть „гражданскимъ обществомъ“, въ которомъ всѣ граждане обезпечены въ своихъ частныхъ правахъ личности и собственности, и обладаютъ возможностью преслѣдовать свои частныя цѣли и развивать свои спеціальныя способности, соперничая или содѣйствуя другъ другу. А для того, чтобы согласовать природное единство и общественную свободу, монархъ долженъ быть конституціоннымъ монархомъ, управляющимъ черезъ своихъ министровъ, которые сносятъ съ парламентомъ и отвѣтственны передъ нимъ, а народъ долженъ быть организованъ въ общины и корпорации, изъ которыхъ опять-таки должны избираться представители въ парламентъ. Такимъ образомъ, правительство будетъ одновременно устойчивымъ и прогрессивнымъ, оно будетъ поставлено выше прямого революціоннаго дѣйствія толпы, будетъ настоящимъ руководителемъ народа и между тѣмъ будетъ постоянно получать поддержку и развитіе отъ конституціонно выраженной воли народа. Надо замѣтить, что подъ конституціонною монархіей Гегель вовсе не разумѣетъ слегка замаскированной демо-

кратіи, во всякомъ случаѣ, онъ имѣетъ въ виду не демократію по представленію Руссо, какъ правительство, которое только собираетъ и подсчитываетъ рѣшенія своихъ подданныхъ. Говоря о монархіи, Гегель разумѣетъ руководящую и управляющую власть, чѣмъ должно быть всякое дѣйствительное правительство, какъ бы оно ни называлось. И это нисколько не противорѣчитъ тому факту, что никакое правительство не можетъ быть сильнымъ, если оно не выражаетъ воли народа, ибо, какъ говорить Гегель, „народъ никогда не знаетъ, чего онъ хочетъ“. Дѣло правительство двоякое: дать ему сознаніе его воли и привести эту волю въ дѣйствіе. Можно спорить о томъ, былъ ли Гегель правъ, предполагая, что наследственная монархія безусловно необходима, или что въ концѣ концовъ она окажется наилучшимъ средствомъ для достиженія такого результата. Но, во всякомъ случаѣ, были достаточныя основанія полагать, что оно дѣйствительно было такъ, при условіяхъ, дѣйствовавшихъ въ то время въ Англіи и въ Пруссіи. Идеаль Гегеля, по видимому, находился въ срединѣ между политическими системами Англіи и Пруссіи, будучи болѣе демократиченъ, чѣмъ въ послѣдней, и заключая болѣе прямой инициативы со стороны правительства, чѣмъ въ первой; такъ и слѣдовало ожидать отъ политической системы чловѣка, бывшаго свидѣтелемъ великихъ реформъ Штейна и Гарденберга.

Этотъ идеаль государства былъ, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ пунктахъ, развитъ Гегелемъ до его отъѣзда изъ Іены, потому что онъ предполагается, хотя и не высказывается прямо, въ его ненапечатанномъ

памфлетъ противъ имперской системы. Этотъ памфлетъ, судя по его внутреннему содержанию, былъ написанъ вскорѣ послѣ Лионневильскаго трактата, когда имперская система уже выказала свою слабость для защиты Германіи противъ Франціи. Онъ начинается словами: „Германія перестала быть государствомъ; по выраженію одного французскаго писателя, она есть учрежденная анархія“. Она узнала это по опыту въ войнѣ: „война есть пробный камень, который показываетъ, существуетъ ли дѣйствительная связь между различными частями государства, и готовы ли онѣ нести жертву для него“. Поэтому Гегель взываетъ къ своимъ соотечественникамъ, чтобы они не теряли напрасно времени въ жалобахъ на судьбу, но чтобы они пытались понять ее и не вилѣть въ ней дѣйствіе капризнаго случая, а необходимый результатъ политическаго паралича, въ который впала Германія. „Священная Римская имперія“ пала постепенно подъ злоупотребленіями феодальной системы, согласно которой каждая часть цѣлаго политическаго тѣла такъ строго замыкалась въ своихъ частныхъ правахъ, что общая сила государства была уничтожена. Имперская армія была посмѣшищемъ, такъ какъ всякій участникъ старался участвовать въ ней какъ можно меньше; имперскій судъ былъ насмѣшкой, ибо въ имперскихъ судахъ ни одна тяжба не доходила до конца. Безконечный формализмъ, который въ своей нѣжной заботливости о частныхъ правахъ никогда не допускалъ до осуществленія какого-либо права, могъ утѣшаться изреченіемъ: *Fiat justitia, pereat mundus*; но пришло время разсмотрѣть, можетъ ли дѣйствительно

существовать такое право, которое привело Германію къ гибели. Система, слабость которой долго была прикрита „тѣнью великаго имени“ имперіи, была лишена этой маски бѣдствіями времени. „Только память о прежней связи еще сохраняетъ подобіе единенія, подобно тому, какъ упавшіе плоды признаются принадлежавшими дереву, потому что лежатъ подъ нимъ, хотя тѣнь его не защищаетъ ихъ ни отъ гніенія, ни отъ вліянія стихій, которымъ они теперь принадлежатъ“.

Поэтому Гегель взываетъ къ возобновленію имперской власти, которая не должна подражать французской централизаціи, но, допуская самоуправленіе отдѣльных провинцій въ дѣлахъ, касающихся ихъ самихъ, будетъ соединять ихъ въ реальное, дѣйствительное политическое единство, подъ однимъ монархомъ и однимъ правительствомъ. „Обширность теперешнихъ государствъ дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе древней идеи о соучастіи всякаго свободнаго лица въ общемъ управленіи. Какъ для исполненія, такъ и для совѣщанія, власть государства должна сосредоточиться къ центру. Но если такой центръ государственной власти соблюдается въ своей независимости уваженіемъ народа и освящается, какъ несмѣняемый, въ лицѣ монарха, опредѣленнаго закономъ рожденія, то правительство можетъ безъ страха и ревности предоставить подчиненнымъ системамъ и корпораціямъ опредѣлять по-своему большую часть отношеній, возникающихъ въ обществѣ, и каждому сословію, городу, общинѣ и т. д. предоставить свободу заниматься тѣмъ, что находится въ ихъ сферѣ“. Идеаль Гегеля, стало-быть, не есть машина, движимая одной пружиной, ко-

торая передает движеніе всѣмъ остальнымъ безконечно сложнымъ дѣтелямъ, но идеаль социальнаго организма, въ которомъ жизнь непрестанно стремится отъ центра къ окружности и вновь отъ окружности къ центру. И онъ указываетъ, что, тогда какъ централизованное деспотическое правленіе не можетъ разсчитывать ни на что, кромѣ собственныхъ ресурсовъ, свободное государство имѣетъ, кромѣ того, въ каждой изъ своихъ частей центры силы, изъ которыхъ новые ресурсы могутъ явиться.

Гегель однако же чувствовалъ, что такая революція, при которой старый строй феодальныхъ привилегій превращается въ органическое государство, есть одно изъ такихъ дѣлъ, которыя не дѣлаются сами собой, но что нужна сила, способная побѣдить сопротивленія различныхъ провинцій, которыя такъ крѣпко держались за свои частныя права. И въ словахъ нѣсколько пророческихъ, — хотя пророчество не скоро должно было сбыться, — онъ вызываетъ героя, который „кровью и желѣзомъ“ осуществилъ бы политическое возрожденіе Германіи. „Хотя всѣ части Германіи выиграютъ, когда Германія станетъ единымъ государствомъ, и хотя общественное мнѣніе настолько развито, что необходимость такого объединенія сознается глубоко и ясно, все же подобное событіе никогда не бываетъ плодомъ обсуждения, но всегда производится силою. Общая масса германской націи съ ея провинціальными государствами, которыя не знаютъ ничего, кромѣ раздѣленія отдѣльныхъ развѣтвленій своей расы, и смотрятъ на ихъ единеніе какъ на нѣчто странное и чудовищное, должны быть

собраны во едино насиліемъ завоевателя; онъ долженъ принудить ихъ смотрятъ на себя какъ на принадлежащихъ единой Германіи. Такой Тезей долженъ имѣть достаточно великодушія, чтобы даровать націи, образованной имъ изъ разсѣянныхъ народовъ, часть въ томъ, что составляетъ общій интересъ; онъ долженъ имѣть достаточно характера, если не на то, чтобы подобно Тезею испытать награду неблагодарности, то для того, чтобы, держа въ рукахъ своихъ бразды правленія, быть готовымъ смѣло противостать ненависти, какую навлекли на себя Ришелье и другіе великіе люди, когда они сокрушили всѣ частныя воли и интересы фракцій, чтобы обезпечить общее благо“.

Быстрый ходъ событій, рядъ ударовъ, которыми Наполеонъ уничтожилъ Германскую имперію, повидимому, вырвали перо изъ рукъ Гегеля, и этотъ памфлетъ никогда не былъ оконченъ. Несмотря на великій полвигъ германскаго патріотизма въ войнѣ за освобожденіе и на надежды, имъ порожденныя, Вѣнскаго конгресса не хотѣлъ и слышать о возстановленіи имперіи. Поэтому, послѣ войны, Германія разрѣшилась въ очень шаткую конфедерацію государствъ, изъ которыхъ каждому было предоставлено развиваться по-своему подлѣтѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы каждое правительство ввело „штаты“ или парламенты для своихъ подданныхъ. Однимъ изъ первыхъ государствъ, вступившихъ на путь реформы, былъ Вюртембергъ, территория котораго была удвоена политикой Наполеона. Король, одинъ изъ самыхъ своевольныхъ и тиранническихъ принцовъ, но одаренный способностями государствен-

наго челоуѣка, предупредилъ нападки на свой деспотизмъ, предложивъ своему народу хартію, въ которой были приняты мѣры для народнаго представительства въ парламентѣ, а также, съ нѣкоторыми оговорками, для парламентскаго контроля надъ судопроизводствомъ и обложеніемъ королевства. Въ то же время, въ этой же хартіи были уничтожены привилегіи дворянъ, такъ же какъ всѣ особенныя права и монополіи, гарантированныя нѣкоторымъ другимъ сословіямъ старой, полу-феодалной конституціей Вюртемберга. Однако, подозрѣніе къ мотивамъ короля и нѣсколько реакціонный патриотизмъ соединили народъ со штатами въ отказѣ отъ королевскаго предложенія и въ прошеніи о возстановленіи „добрыхъ старыхъ законовъ“. Смерть короля и восшествіе на престолъ популярнаго наслѣдника, который былъ однимъ изъ героевъ войны за освобожденіе, не положили конца этой странной борьбѣ между деспотическимъ правительствомъ, пытавшимся принудить народъ быть свободнымъ, и народомъ, поддерживавшимъ злоупотребленія и монополію феодализма. По сочувствію Германіи, которое сначала было на сторонѣ сопротивленія штатовъ вскорѣ перемѣнило сторону, и даже въ Вюртембергѣ— по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ частяхъ его, которыя не принадлежали старому герцогству—составилась партія въ пользу предложенія короля. Въ это самое время Гегель, побуждаемый къ тому, какъ говорятъ, просьбой министра фонъ Вангенгейма, вступилъ въ борьбу. Переполненный сознаниемъ зла, которое „добрые старые законы“ нанесли Германіи, онъ не могъ не принять сторону короля; и нигдѣ мы не находимъ болѣе пол-

наго и безошаднаго раскрытія недостатковъ полу-феодалнаго устройства имперской системы, какъ въ статьѣ, написанной имъ по этому поводу. Но, въ своей сильной полемикѣ Гегель выказываетъ болѣе партійности, нежели можно было ожидать, и не даетъ намъ разглядѣть причины, которыя отчасти извиняють упорство и упрямство его швабскихъ соотечественниковъ. Въ дѣйствительности надо вообще допустить, что въ спорахъ Гегель былъ если не несправедливъ, то, по крайней мѣрѣ, безошаденъ. Въ его полемикѣ нѣтъ ни лукавства, ни, какъ мы думаемъ, *личнаго* ожесточенія; но она безошадна, чужда симпатіи и выражается въ вѣскихъ словахъ прони и негодованія, которыя чувствовались какъ удары, иногда возбуждая сильную оппозицію и гнѣвъ противъ него. Мы часто припоминаемъ его собственное признаніе женѣ, что, нападая на принципы, кажущіеся ему ложными, онъ забывалъ считаться съ „тѣмъ способомъ и образомъ, въ которомъ они представляются извѣстными лицами“. И можно было ожидать, что если онъ обходился съ лицами какъ съ представителями идей, то, съ другой стороны, слова его, направленныя противъ идей, принимались за личныя нападенія.

Полное выраженіе политическихъ теорій Гегеля въ его „Философіи права“ не было напечатано до болѣе поздней эпохи, когда онъ былъ переведенъ въ Берлинъ, который начинали признавать въ то время и научнымъ центромъ Германіи, точно такъ же, какъ и политическимъ центромъ ея. Коренными реформами, произведенными въ годину кажущагося разрушенія, реорганизаціей арміи и основаніемъ Берлинскаго университета,

энергіей и жертвами въ войнѣ за освобожденіе.—Пруссія приобрѣла и, какъ оказалось, прочно приобрѣла гегемонію Германіи. И хотя Австрія пыталась теперь, съ нѣкоторымъ успѣхомъ, отклонить Пруссію отъ ея политическаго дѣла и запутать ее въ реакціонную и репрессивную политику,—въ самыя худшія времена процессъ внутренняго прогресса никогда не останавливался, и союзъ, заключенный съ наукой и философійю, никогда не былъ вполне сорванъ. Въ 1816 г. Гегель уже привлекъ вниманіе Сольгера, Нибура и другихъ вліятельныхъ лицъ въ Берлинѣ, какъ единственный человѣкъ, который могъ съ достоинствомъ занять свободную кафедру Фихте, и въ 1818 г. предложеніе было возобновлено и принято.

Съ этого времени до своей смерти Гегель занималъ выдающееся положеніе, какъ величайшій преподаватель философіи, въ самомъ значительномъ университетѣ Германіи. Онъ теперь достигъ сорокадевятилѣтняго возраста, вполне владѣлъ собой, сильный сознаниемъ истины, которую онъ уловилъ, и метода, которую онъ развилъ ее. Долгое промедленіе въ признаніи этой истины, если и унесло нѣчто изъ первоначальной поэтической живости концепціи и выраженія,—зато выработало ясность, опредѣленность и пропорцію въ способъ разработки различныхъ отдѣловъ и сторонъ знанія, исдѣлало Гегеля способнымъ выработать систему изъ своихъ принциповъ. Съ другой стороны, это неизбѣжно придало его уму извѣстную суровость, особую непреклонную твердость и нерасположеніе къ компромиссу, которыя могли казаться тиранническими

гѣмъ, кто не вполне сочувствовалъ Гегелю. Долгій уединенный трудъ созиданія, въ которомъ онъ долженъ былъ разсчитывать только на самого себя, отнял у него способность давать и принимать, которая составляетъ принадлежность молодости. А также восьмилѣтніе труды его въ качествѣ школьнаго учителя не могли, вѣроятно, остаться безъ вліянія на его характеръ. „Я—школьный учитель,—сказалъ онъ однажды,—который долженъ преподавать философію, и можетъ быть, по этой причинѣ я одержимъ тою мыслью, что философія, такъ же какъ геометрія, должна быть правильнымъ построеніемъ идей, которому можно научить“. „Его главное вліяніе на берлинцевъ,—говоритъ его биографъ,—состояло въ томъ, что онъ буквально сажалъ ихъ на школьную скамью и съ наивною непоколебимостью заставлялъ ихъ выучивать свою систему“. Хотя, въ нѣкоторомъ смыслѣ, философія его коренилась въ идеѣ свободы, она была также проникнута сознаниемъ того, что дѣйствительная свобода возможна только черезъ дисциплину; и даже прусская тенденція вводить во все нѣкоторую военную выправку не была нещпріятна ему. Какъ Сократа сравнивали съ фигурами Силена, содержащими внутри образъ олимпійскаго бога, такъ можно сказать, что въ Гегелѣ мы видимъ идеалиста, для котораго истина есть поэзія, а религія—одно съ философійю; но это идеалистъ въ одеждѣ безупречнаго и точнаго гражданскаго чиновника прусскаго правительства.

Положеніе Гегеля было опасно, такъ какъ онъ стоялъ въ тѣсномъ союзѣ съ правительствомъ, которое командировало его для испытанія кандидатовъ на пре-

подавательскія должности и часто совѣтовалось съ нимъ объ академическихъ назначеніяхъ. Опасность такого положенія заключалась въ томъ, что оно часто заставляло смѣшивать должностное лицо съ философомъ и навлекало подозрѣніе въ политическомъ разсчетѣ и сдѣлкахъ на всѣ тѣ тенденціи его соціального и религіознаго умозрѣнія, которыя были или казались консервативными. Отправляясь отъ революціоннаго принципа, Гегель, естественнымъ развитіемъ своей мысли, какъ мы видѣли, былъ доведенъ до точки зрѣнія, которая не была ни революціонной, ни реакціонной, ибо была основана на идеѣ эволюціи человѣчества, какъ организма. Онъ научился признавать что „дѣйствительное есть разумное“, что „душа міра справедлива“; но все это не въ смыслѣ прославленія существующаго порядка, а въ томъ смыслѣ, что исторія есть прогрессивное проявленіе разума и что, поэтому, никакая истинная реформа невозможна, если она по существу не есть развитіе, — т.-е. если она уже не содержится, какъ зародышъ, въ томъ, что должно быть преобразовано. Напрасны будутъ приказанія, чтобы сѣмя сдѣлалось дубомъ, если это сѣмя не будетъ желудемъ. А потому чисто отвлеченные идеалы негодны, и примѣненіе ихъ можетъ привести лишь къ ломкѣ безъ возсозиданія. Революціонное презрѣніе къ прошлому пагубно для всякаго прогресса, ибо только въ прошломъ мы можемъ найти такое объясненіе настоящаго, которое даетъ намъ возможность усмотрѣть въ немъ зародышъ будущаго, — „духъ будущихъ вѣсмы, стремящійся смѣшаться съ жизнью“. Въ религіи также Гегель постепенно переросъ беско-

держательныя отрицанія Aufklärung'a и эллинизмъ своей юности; въ христіанской идеѣ самоосуществленія черезъ самоотреченіе онъ научился признавать принципъ, объясняющій умственную и нравственную жизнь человѣка и природу вселенной, въ которой онъ живетъ. Такое воззрѣніе сразу отдѣлило его и отъ революціи и отъ реакціи, отъ преобладавшаго рационализма и отъ оживавшей ортодоксіи; и, конечно, оно было ложно понято приверженцами обоихъ направлений. Особенно естественно было, что либераламъ богословія и политики Гегель казался обскурантомъ и политическимъ квіетистомъ, — „официальнымъ философомъ“, который подкупленъ своимъ мѣстомъ и значеніемъ, чтобы поддерживать сторону реакціи оружіемъ разума. Должно сказать тоже, что Гегель не особенно старался избѣжать такого ложнаго пониманія. Его изобличеніе на революціонныхъ софизмовъ и особенно нападки на сантиментальную политику Фриза, котораго онъ называетъ „вожакомъ глупцовъ“ въ предисловіи къ своей „Философіи права“, казались неприличнымъ философскимъ споромъ въ такое время, когда правительство въ паникѣ, послѣдовавшей за убійствомъ Коцебу, принимало строгія репрессивныя мѣры въ университетахъ, и самому Фризу угрожала опасность лишиться катедры. Однако, когда какой-то сотрудникъ „Литературнаго Обозрѣнія“ въ Галлѣ указалъ на это совпаденіе, и назвалъ нападки Гегеля „неблагороднымъ“ преслѣдованіемъ „лежачаго“ человѣка, Гегель былъ глубоко оскорбленъ и возмущенъ, и еще болѣе испортилъ дѣло, подавъ жалобу министру Альтенштейну на то, что такая инсинуація направлена противъ него въ жур-

налъ, поддерживаемомъ правительствомъ. Гегель заявляетъ, что онъ никогда не думалъ о Фризѣ, какъ о частномъ лицѣ, а только о его принципахъ; но хотя это заявленіе можетъ быть справедливо, хотя изъ уваженія къ его характеру мы можемъ дѣйствительно признать его справедливымъ,—все же Гегель долженъ былъ бы помнить, что прежде всего философу надо остерегаться, чтобы оружіе духа не казалось употребленнымъ въ помощь оружію плоти. Точно такъ же сближеніе Гегеля съ ортодоксіей, его желаніе показать, что во всемъ существенномъ онъ стоитъ заодно съ христіанскою церковью, и его нападки на обыденный рационализмъ подвергали его подозрѣніямъ, по причинѣ его оффиціальнаго положенія. Его упрекали въ томъ, что онъ недостойнымъ образомъ компрометируетъ интересъ научной истины, особенно потому, что онъ настаиваетъ съ тою же силой на большихъ, хотя главнымъ образомъ формальныхъ различіяхъ, особенно на полномъ отрицаніи обыденнаго супранатурализма, которое заключается въ гегелевомъ объясненіи христіанства.

Однако же въ общемъ поведеніи Гегеля нельзя считать ни неестественнымъ, ни непослѣдовательнымъ. Если на немъ сказывалось нѣсколько влияніе періода реставраціи, если нѣкоторое утомленіе отъ политическаго движенія замѣтно въ его писаніяхъ позднѣйшихъ лѣтъ—если онъ выказываетъ, съ теченіемъ времени, возрастающее склонность къ примирительнымъ взглядамъ и нерасположеніе къ полному пересмотру терминовъ, на которыхъ должно состояться примиреніе,—мы не должны удивляться перемѣнѣ, которая есть обычный

результатъ зрѣлыхъ лѣтъ и которая, сверхъ того, естественна для человѣка, пережившаго такой періодъ ломки и возобновленія. „Наконецъ, послѣ сорока лѣтъ войны и неизмѣримой смуты, старое сердце можетъ радоваться, видя копецъ всему этому и начало мирнаго довольства“, такъ говорилъ онъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ лекцій, относительно французской революціи 1830 г. Но Гегель зналъ, какъ онъ вскорѣ и показалъ, что есть такія разногласія и неразрѣшенные антагонизмы, которые не дадутъ людямъ успокоиться на томъ, чего они достигли. Кромѣ такихъ „красокъ заходящаго солнца“, такого естественнаго расположенія отдохнуть на томъ, что достигнуто, въ Гегелѣ нѣтъ и слѣдовъ реакціи. Нигдѣ мы не видимъ измѣны его основнымъ принципамъ или готовности дѣлать уступки въ ущербъ результатамъ, вытекавшимъ изъ естественнаго развитія его мысли. Если онъ нападетъ на „Просвѣтителей“, то дѣлаетъ это „подъ знаменемъ свободнаго духа“ и съ рѣзкимъ отпоромъ принципу авторитета во всѣхъ его формахъ. Если полемика его чаще направлена противъ преувеличенія революціонной теоріи, чѣмъ противъ софистики реакціи, то это не потому, чтобы философія его имѣла какое-либо сродство съ послѣдней, но скорѣе по причинѣ противоположной,—по причинѣ той необходимости развитія, которая заставляетъ всякій новый принципъ бороться съ непосредственно-предшествовавшимъ ему. На дѣлѣ Гегель предполагалъ, можетъ быть, преждевременно, что скептицизмъ Aufklärung'a довершилъ свое дѣло; столкновеніе съ ортодоксіей и борьба съ феодализмомъ казались ему настолько

улаженными и законченными, что онъ считалъ безопаснымъ признать основное единство той жизни, которая прежде выражалась въ этихъ формахъ, съ тѣмъ, что выражалось въ его собственной философіи; съ другой стороны, по отношенію къ тѣмъ, кто стоялъ ближе къ нему и отправлялся отъ того же принципа разума и свободы, онъ чувствовалъ себя обязаннымъ сражаться до конца.

Между тѣмъ, союзники, которыхъ Гегель былъ готовъ признать, не всегда были расположены признавать его. Ортодоксы подозрѣвали философію *et dona fermentem* и отказывались довѣрять діалектическому доказательству христіанскихъ идей, которое, какъ они боялись, не могло служить доказательствомъ христіанства въ томъ видѣ, въ какомъ они понимали его. И если государственные люди, какъ Альтенштейнъ и Гарденбергъ, которые были либералами въ душѣ и которые выдвинули Гегеля прежде, чѣмъ началась реакція, были расположены благосклонно смотрѣть на его политическія воззрѣнія, то къ концу жизни Гегеля, когда была окончательно принята репрессивная политика, при дворѣ, повидимому, явилось подозрѣніе, что въ „Философіи права“ заключалось „опасная матерія“. И дѣйствительно, оно было такъ,—для правительства, которое продолжало отказывать въ дарованіи многихъ народныхъ учреждений, признаваемыхъ въ этой книгѣ необходимыми для свободнаго народа. Въ послѣдніе дни Гегеля его спокойствіе было разстроено споромъ съ прежнимъ ученикомъ его, Гансомъ; споръ этотъ, говорить, возникъ по поводу демократическихъ результа-

товъ, выведенныхъ послѣднимъ изъ „Философіи права“. Развѣтвленіе гегелевой школы, развившееся послѣ его смерти и преувеличившее до искаженія тѣ стороны ученія Гегеля, на которыхъ самъ философъ настаивалъ съ меньшею силой,—было естественною реакціей противъ видимаго отождествленія этого ученія съ прусскою системою государства и церкви. Философія, также какъ и религія, должна стремиться разсматривать человѣческую жизнь по отношенію къ тѣмъ принципамъ, которые служатъ созиданію и разрушенію государствъ. Она не можетъ „сидѣть на отдаленномъ холмѣ“ и разсуждать объ абстракціяхъ; она не можетъ воздерживаться отъ попытки постигнуть величайшій изъ организмовъ,—государство, которое въ „архитектоникѣ своей рациональности“ есть высшій результатъ сознательной и безсознательной работы разума въ жизни человѣка. Но, также какъ и религія, философія должна терпѣть ущербъ, когда она низводится въ область непосредственной практической политики и смѣшивается съ нападками и защитою специальныхъ мѣръ и учреждений.

Дѣйствительное дѣло Гегеля имѣло мало общаго съ измѣнчивою политикою правительства, которому онъ служилъ. Онъ былъ учитель, а не государственный дѣятель,—учитель, имѣвшій въ жизни высшимъ призваніемъ выразить одну руководящую идею, долженствовавшую примирить людей съ міромъ и оживить силу, которая повидимому утрачивалась въ христіанской вѣрѣ, а также сообщить своимъ ученикамъ новый философскій методъ, путемъ котораго эта идея должна быть развита и при-

ложена. Для такого труда его положеніе въ Берлинѣ представляло много удобствъ. Въ первыя десять лѣтъ его пребыванія, вліяніе его на студентовъ великаго университета постоянно возрастало; и хотя послѣ этого періода упадокъ физической силы или, по крайней мѣрѣ, живости, необходимой для успѣшнаго преподаванія, стали замѣтны въ немъ, все же, до конца его жизни, въ 1831 г., онъ, по общему признанію, занималъ въ философіи мѣсто почти аналогичное тому, которое Гёте занималъ въ литературномъ мірѣ. Его ученики, дѣйствительно, любили соединять эти два имени; и то обстоятельство, что дни рожденія Гёте и Гегеля приходились два дня подрядъ, послужило поводомъ въ 1826 г. соединить ихъ въ одно продолжительное празднованіе, на которомъ энтузіазмъ гегелевыхъ учениковъ дошелъ до высшаго своего выраженія. Самъ Гегель, казалось, принялъ этотъ апофеозъ, какъ доказательство того, что дѣло его почти сдѣлано, и въ рѣчи къ собравшимся друзьямъ онъ сказалъ съ той большой простотой, съ которой принималъ событія жизни: „Когда проживешь довольно долго, должно принять съ радостью и этотъ житейскій урокъ, т.-е. смотрѣть на себя уже не наряду или не впереди болѣе молодыхъ людей, но относиться къ нимъ, какъ старость къ молодости: это время жизни настало для меня“. Если мы зададимъ себѣ вопросъ объ источникѣ такого вліянія Гегеля, то мы не припишемъ его внѣшнимъ преимуществамъ въ рѣчи и манерѣ, какія отличали Фихте и Шеллинга. Кузень, котораго можно считать ученикомъ и Гегеля, и Шеллинга, указываетъ на контрастъ между плавнымъ

краснорѣчіемъ послѣдняго и „мощной, хотя затрудненною дикціей, неподвижнымъ взглядомъ и задумчивымъ челомъ“ Гегеля, „который представлялъ какъ бы образъ мысли, углубленной въ самое себя“. А отъ Notho, одного изъ выдающихся учениковъ Гегеля, мы имѣемъ его характеристику, которая, даже если принять въ расчетъ восторженное рвеніе ученика,—дастъ намъ все-таки возможность живо представить себѣ впечатлѣніе, производимое имъ какъ въ публикѣ, такъ и въ частной обстановкѣ.

„Въ началѣ моей студенческой жизни, утромъ, я осмѣлился робко, но съ полнымъ довѣріемъ явиться въ комнату Гегеля. Онъ сидѣлъ передъ большимъ письменнымъ столомъ и нетерпѣливо перелистывалъ книги и бумаги, лежавшія на немъ кучею, въ нѣкоторомъ безпорядкѣ.

Фигура его представлялась согнутой преждевременною старостью, но все же имѣла видъ прирожденной крѣпости и силы; желтовато-сѣрый халатъ висѣлъ съ плечъ, покрывая его до полу. Въ его наружномъ видѣ не было ничего замѣчательнаго,—ни внушительной величавости, ни привлекательности въ манерахъ; скорѣе наружность его производила впечатлѣніе какой-то честной прямоты, какъ бы гражданина древнихъ временъ. Однако я никогда не забуду перваго впечатлѣнія, произведеннаго его лицомъ. Его блѣдныя и обвисшія черты были какъ бы безжизненны; въ нихъ не отражалось слѣдовъ какой-либо разрушительной страсти, но только сказывалась длинное повѣствованіе о терпѣливой мысли. Агонія сомнѣнія, броженіе неукротимаго умственнаго

смятенія, казалось, никогда не мучили, по крайней мѣрѣ, не одолѣвали его во всѣ сорокъ лѣтъ созрѣванія, исканія и находенія; но неустанное стремленіе развивать ранній зародышъ истины, счастливо открытой, развивать его все съ большею глубиной и богатствомъ—съ всею большею точностью неизбѣжной логики—все это изрыло его чело, его щеки и ротъ. Когда умъ его дремалъ, черты лица его казались старыми и сморщенными; когда онъ пробуждался, онъ выражали всю глубину и силу мысли, которая постоянными усиліями многихъ годовъ была развита до полноты. Сколько достоинства выражалось въ головѣ, въ тонко очерченномъ носѣ, въ высокомъ, но нѣсколько убѣгающемъ лбѣ, въ добродушномъ подбородкѣ! Благородная честность и совершенная правдивость какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, ясное сознание того, что онъ искалъ удовлетворенія въ одной истинѣ,—все это самымъ индивидуальнымъ образомъ отпечатывалось въ каждой чертѣ его лица. Я ожидалъ тяжеловѣснаго внушительнаго разсужденія о философіи и былъ очень удивленъ, не услышавъ ничего подобнаго. Только-что вернувшись изъ поѣздки въ Нидерланды, Гегель говорилъ лишь о чистотѣ городовъ, о прелести и искусственномъ плодородіи страны, о зеленыхъ широкихъ лугахъ, о мостахъ, каналахъ, башнеобразныхъ мельницахъ и хорошо устроенныхъ дорогахъ, о сокровищахъ искусства и о педантичномъ, но уютномъ образѣ жизни гражданъ, такъ что черезъ полчаса я чувствовалъ себя столь же близко знакомымъ съ Голландіей, какъ съ нимъ.

„Когда, черезъ нѣсколько дней, я вновь увидалъ его

на профессорской кафедрѣ, я сначала не могъ примѣниться ни къ внѣшней манерѣ его рѣчи, ни къ внутренней послѣдовательности его мыслей. Онъ сидѣлъ съ разсѣяннымъ, нѣсколько мрачнымъ видомъ и, говоря, перевертывалъ то взадъ, то впередъ свой рукописный фолиантъ; постоянные перерывы и откашливаніе мѣшали плавности его рѣчи; каждое предложеніе стояло уединенно само по себѣ, и, казалось, пробивая себѣ путь, разбивалось и запутывалось; каждое слово, каждый слогъ, казалось, неохотно выговаривались и получали отъ металлическаго звука швабскаго діалекта странное напряженіе, будто въ нихъ именно заключалось самое важное изъ того, что должно быть сказано. Однако же вся его наружность вызвала почтеніе и чувство уваженія и привлекала такимъ наивнымъ выраженіемъ преобладающаго глубокаго убѣжденія, что, несмотря на мое неудовлетвореніе и хотя я могъ мало понять изъ всего сказаннаго, я чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ нему. А когда, при помощи старанія и терпѣнія, я привыкъ къ этимъ внѣшнимъ недостаткамъ его рѣчи, тогда они будто соединились съ внутренними ея достоинствами и составили органическое цѣлое, которое требовало оцѣнки само по себѣ.

„Свободное краснорѣчіе предполагаетъ, что чело-вѣкъ вполне освоился со своимъ предметомъ, а потому способность чисто-формальная можетъ высказываться съ дешевой привлекательностью, не возвышаясь надъ областью общихъ мѣстъ. Гегельсъ трудъ, напротивъ того, состоялъ въ томъ, чтобы вызвать самыя мощныя мысли изъ самой глубочайшей основы вещей и при-

нести ихъ какъ живыя силы, воздѣйствующія на слушателей; а для этого, какъ много ни были обдуманы переработаны эти мысли въ теченіе многихъ лѣтъ, нужно было, чтобы при всякомъ новомъ выраженіи этихъ мыслей онѣ вновь воспроизводились въ немъ. Нельзя составить себѣ болѣе живого и пластичнаго представленія объ этой трудной борьбѣ и о мукахъ рожденія мысли, какъ въ образѣ гегелевой рѣчи. Какъ древнѣйшіе пророки, чѣмъ сильнѣе они борются съ языкомъ, тѣмъ съ болѣею силой они высказываютъ мысль, которою они на половину овладѣли и которая на половину овладѣла ими, такъ и онъ боролся и одолевалъ мощнымъ *тыломъ* своихъ выраженій. Вполнѣ погруженный въ свой предметъ, онъ, казалось, развивалъ его изъ него самого и ради его самого, но едва ли для слушателей; и почти отеческая забота объ ясности смягчала суровую силу, которая иначе могла бы отдалять слушателей отъ восприниманія мыслей, съ такимъ трудомъ завоеванныхъ. Прерываясь уже сначала, онъ пробивалъ себѣ путь, снова начиналъ, опять внезапно останавливался, говорилъ и обдумывалъ: казалось, онъ никакъ не могъ найти настоящаго слова, и тогда-то именно оно являлось съ безошибочною вѣрностью... Наконецъ, слушателю казалось, что онъ уловилъ смыслъ, и онъ ожидалъ дальнѣйшаго его развитія. Напрасно. Мысль, вмѣсто того чтобы подвигаться, вертѣлась вновь въ тѣхъ же словахъ, все вокругъ того же пункта. Однако, если утомленное вниманіе слушателя отвлекалось на время, онъ терялъ нить рѣчи. Ибо тихо и осторожно, будто незначительными шагами мысль доходила до гра-

ницы, указывающей на ея односторонность, потомъ разбивалась на различія и запутывалась въ противорѣчійхъ, разрѣшеніе которыхъ внезапно приводило къ высшему единству того, что казалось совершенно несогласимымъ. Итакъ, всегда старательно резюмируя предшествовавшія мысли, углубляя и преобразуя ихъ новыми различіями и болѣе широкими примиреніями, чудесный потокъ мысли изливался, запутываясь и борясь съ самимъ собою, то раздѣляя, то соединяя, то замедляясь, то устремляясь скачкомъ, но всегда твердо подвигаясь къ цѣли. Даже такой слушатель, который могъ слѣдить съ полнымъ разумнѣемъ и пониманіемъ, не отвлекаясь ни направо, ни налево, испытывалъ самое странное напряженіе и агонію ума. Мысль была низводима до такой глубины, разбивалась на такія безконечныя противорѣчія, что все пріобрѣтенное казалось вновь утраченнымъ и, послѣ величайшихъ усилій, разсудокъ, казалось, былъ принужденъ умолкнуть передъ границей своей способности. Но именно въ такой глубинѣ, повидимому, недоступной пониманію, этотъ мощный духъ жилъ и развивался съ полной увѣренностью и спокойствіемъ. Тогда только голосъ его возвышался, взоръ его зорко оглядывалъ слушателей и закигался спокойнымъ пламенемъ убѣжденія, а въ словахъ, изливавшихся теперь безъ колебанія, онъ измѣрялъ высоту и глубину души. То, что онъ высказывалъ въ такія минуты, было такъ ясно и такъ исчерпывало предметъ, обладало такою силой самоочевидности, что всякій, кто могъ уловить его мысль, чувствовалъ, будто самъ дошелъ и додумался до нея.

Всякій предшествовавшій образъ мысли исчезалъ до такой степени, что едва оставалось воспоминаніе о тѣхъ дняхъ умственной дремоты, когда такія мысли еще не были пробуждены.

..... „Съ ранней молодости Гегель шелъ къ своей цѣли съ несокрушимою прямою, предаваясь всякаго роду научнымъ занятіямъ; позже онъ жилъ нѣкоторое время, какъ Шиллеръ, вдали отъ свѣта, будто въ монастырѣ, между тѣмъ какъ стремленіе къ дѣятельной жизни бродило въ немъ. Когда онъ покинулъ уединеніе, жизнь подвергла его суровой школѣ; внѣшнія затрудненія окружали его со всѣхъ сторонъ, и какъ ни ясно онъ сознавалъ необходимость полнаго преобразования науки, въ то время онъ еще не чувствовалъ себя способнымъ совершить такую реформу собственными силами. Ибо онъ былъ одной изъ тѣхъ могучихъ натуръ, которыя только послѣ долгаго процесса роста, въ зрѣломъ возрастѣ мужа, являютъ всю свою глубину, но при этомъ даютъ лишь въ болѣе зрѣлой и полной формѣ то, что долго развивалось въ типинѣ. Когда я впервые узналъ Гегеля, главные труды его были уже напечатаны, слава его стояла высоко, а также и внѣшнее положеніе его было обезпечено. Эти удобства и спокойствіе придавали ему—исключая тѣхъ случаевъ, когда физическія страданія беспокоили его—выраженіе полнаго добродушія. Какъ я радовался, встрѣчая его въ его ежедневныхъ прогулкахъ! Хотя онъ, казалось, подвигался съ трудомъ и безъ упругости въ движеніяхъ, въ дѣйствительности онъ былъ крѣпче и сильнѣе насъ, молодыхъ людей. Онъ всегда готовъ былъ принять участіе

въ увеселительныхъ прогулкахъ,—съ годами полное отдохновеніе, повидимому, даже становилось ему все нужнѣе. Кто узналъ бы тогда въ немъ глубочайшій духъ его времени? Всегда разговорчивый, онъ всячески избѣгалъ научныхъ предметовъ; онъ слушалъ съ удовольствіемъ городскіе толки и сплетни; политическія новости, вопросы дня отчасти привлекали его вниманіе; и такъ какъ цѣлью его было развлеченіе и отдыхъ, онъ часто въ такія минуты одобрялъ то, на что въ другое время нападалъ бы, и постоянно журилъ меня за мою разсудительную точность и чопорность. Сколько жизни въ немъ было въ такія минуты! Но гуляя съ нимъ, не много можно было пройти, потому что онъ ежеминутно останавливался, разговаривалъ, жестикулировалъ, или отъ души и громко хохоталъ; и что бы онъ ни говорилъ, хотя бы парадоксы, высказываемые только для того, чтобы вызвать противорѣчіе, собесѣдникъ его готовъ былъ согласиться съ нимъ,—такъ ясно и сильно онъ выражался. Онъ былъ также пріятнымъ товарищемъ въ концертахъ и въ театрѣ, оживленный, расположенный апплодировать, всегда готовый болтать и шутить, когда нужно, довольствуясь банальностями хорошаго общества. Особенно легко удовлетворяли Гегеля его любимые пѣвцы, актрисы и поэты. Въ дѣлахъ, наоборотъ, проникательнымъ умъ заставлялъ его съ такой болѣзненной осмотрительностью взвѣшивать всѣ *pro* и *contra* и дѣлалъ его столь щепетильнымъ и настойчивымъ, что люди съ быстрымъ и рѣшительнымъ образомъ дѣйствій часто приходили отъ него въ отчаяніе; но, разъ принявъ рѣшеніе, онъ былъ непреклонно твердъ.

Въ практическихъ дѣлахъ не требовалось умозрѣнія; поэтому исполненіе легко затрудняло его, и чѣмъ ничтожнѣе было дѣло, тѣмъ болѣе онъ былъ безпомощенъ. Онъ не переносилъ несимпатичныхъ людей, особенно если недостатокъ опредѣленнаго образа мыслей касался того, что онъ всего болѣе уважалъ; только при особенно счастливомъ расположеніи духа можно было убѣдить его имѣть какія-либо сношенія съ такими людьми. За то, когда онъ былъ окруженъ друзьями, что за привлекательныя и сердечныя товарищескія отношенія отличали его отъ другихъ! У него не было тонкихъ *оттѣнковъ* въ манерахъ, но нѣсколько церемонное, *буржуазное* добродушіе соединялось въ немъ съ шутливостью, когда шутки были умѣстны, съ серьезностью, когда того требовали обстоятельства, и съ всегда равнымъ, благодушнымъ настроеніемъ духа, которое невольно сообщалось всѣмъ окружающимъ. Онъ очень любилъ общество дамъ; и тамъ, гдѣ онъ былъ съ ними хорошо знакомъ, прекраснѣйшая могла быть увѣрена въ его особенномъ почитаніи, вполне безопасномъ, разумѣется, въ его лѣта, но сохранявшемъ въ себѣ свѣжесть молодости. Полное уединеніе въ которомъ онъ провелъ ранніе трудовые годы, заставляло его еще болѣе пѣнить то, что въ поздніе годы онъ жилъ въ обществѣ; и какъ будто оттого что его собственная глубина искала восполненія въ тривіальности и пошлости другихъ, онъ часто находилъ удовольствіе въ обществѣ людей самаго ординарнаго склада и даже относился къ нимъ съ особеннымъ веселымъ добродушіемъ. Наоборотъ, съ какимъ естественнымъ достоинствомъ и съ какой безыскусствен-

ной серьезностью являлся онъ, когда какое-либо публичное обстоятельство заставляло его выдвигаться впередъ! Сколько долгихъ часовъ готовъ онъ былъ посвятить тѣмъ, кто искалъ его помощи и руководства! Прославляя Сократа, Платонъ вспоминаетъ, какъ Сократъ на пирахъ сохранялъ воздержаніе и мѣру въ самый разгаръ веселья. Когда всѣ засыпаютъ вокругъ него, онъ продолжаетъ пить и философствовать съ Аристофаномъ и Агаэономъ, до тѣхъ поръ пока не оставляетъ ихъ въ изнеможеніи, уже при пѣніи пѣтуховъ, и потомъ идетъ въ Лицей, гдѣ проводитъ день въ обычныхъ занятіяхъ, и только на другой вечеръ заботится о томъ, чтобы лечь отдохнуть. И я также могу сказать, что Гегель, одинъ изъ всѣхъ людей видѣнныхъ мной, представлялъ моимъ взорамъ образъ бодрой и неизсякаемой энергіи вмѣстѣ съ живою силой творчества, которыхъ нельзя забыть*).

Жизнь Гегеля въ Берлинѣ не была обильна литературными трудами въ собственномъ смыслѣ этого слова, хотя тамъ большею частью были составлены и опубликованы тѣ лекціи, которыя составляютъ большую часть его печатныхъ произведеній. Кромѣ „Философіи права“ за этотъ періодъ появились еще два изданія „Энциклопедіи“ — послѣднее съ значительными перемѣнами — и первый томъ „Логики“ былъ вполне пересмотрѣнъ. А въ 1827 г. началъ издаваться „Берлинскій Журналъ Научной Критики“, который былъ главнымъ образомъ, хотя и не вполне, органомъ гегелевской школы; въ немъ были помѣщены Гегелемъ, въ теченіе послѣдующихъ годовъ, нѣсколько значительныхъ статей.

*) Hotho, Vorstudien für Leben und Kunst S. 389—399.

Въ 1830 г. онъ былъ избранъ ректоромъ университета, и празднованіе трехсотлѣтія Аугсбургскаго Исповѣданія дало ему случай опять заявить себя приверженцемъ „Знамени Свободнаго Духа“, поднятаго Лютеромъ. Въ томъ же году произошла Іюльская революція въ Парижѣ и взволновала его, такъ же какъ Нибура и другихъ, внушая ему опасенія, что Франція опять воспламенитъ весь свѣтъ. Это чувство вскорѣ было выражено въ статьѣ, написанной объ англійскомъ Биллѣ Реформы въ 1831 г. Эта статья заключаетъ много строгихъ критическихъ замѣчаній по адресу англійской конституціи, которая въ то время имѣли много справедливаго и до сихъ поръ во многомъ сохраняютъ свою силу. Но главная мысль состоитъ въ различіи между „формальной“ и „реальной“ свободой, иначе сказать—между народнымъ правленіемъ и рациональными учрежденіями,—которыми Гегель повидимому желаетъ утѣшить своихъ согражданъ въ медленномъ развитіи народнаго правленія въ Пруссіи. „Безбожный хаосъ“ англійскаго законодательства, полуфеодалное устройство земельной собственности, могущество наслѣдственной аристократіи, злоупотребленія англиканской церкви и, въ связи съ этимъ, англійская тенденція смотрѣть на общественныя должности какъ на частную собственность—сравниваются съ болѣе рациональною системою, введенною въ эти дѣла въ Пруссіи королевскою властью, дѣйствовавшей черезъ просвѣщенныхъ министровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Гегель еще слишкомъ близокъ къ французской революціи, чтобы отдѣлаться отъ опасеній за систему, подобную англійской, въ которой движеніе

реформъ не можетъ исходить отъ королевской короны, потерявшей всякую дѣйствительную власть, но должно достигаться борьбой народныхъ силъ съ привилегированной аристократіей. Однако же онъ видитъ неизбежность перемѣны, заключающейся въ Биллѣ о Реформѣ, и указываетъ на англійскій опытъ муниципальнаго самоуправления, какъ на обезпеченіе противъ опасностей революціонныхъ принциповъ. Мудрость многихъ замѣчаній Гегеля была доказана послѣдующею исторіей политическаго движенія въ Англии; погрѣшности же Гегеля происходятъ главнымъ образомъ отъ недостатка жизненнаго опыта въ дѣятельности свободнаго государства а можетъ-быть и отъ недостатка болѣе близкаго знакомства съ англійскимъ характеромъ. Достоинъ замѣчанія, что даже умѣренный либерализмъ этой статьи казался опаснымъ при возрастающемъ страхѣ прусскаго правительства, и вторая часть ея, которую готовилъ Гегель, была остановлена цензоромъ.

Эта статья была послѣднимъ трудомъ Гегеля, если мы исключимъ предисловіе къ новому изданію „Логики“ которое оканчивается нѣсколько грустно—признаніемъ собственныхъ недостатковъ въ развитіи великаго принципа его философіи и выраженіемъ опасенія, что промежутокъ политическаго спокойствія, столь благоприятный для философской культуры, пришелъ къ концу. „Тому, кто въ это послѣднее время поставилъ себѣ задачей развить впервые независимое построеніе философской науки, надо напомнить, какъ Платонъ писалъ и передѣлывалъ до семи разъ свою „Республику“. Это воспоминаніе и сравненіе, которое оно подсказываетъ,

можетъ пробудить желаніе, чтобы современному мыслителю, который имѣетъ дѣло съ болѣе труднымъ предметомъ и долженъ обрабатывать матеріалъ гораздо большаго объема, дано было время писать и переписывать его до семижды семидесяти разъ. Но, понимая широту своей задачи, писатель долженъ довольствоваться тѣмъ, что дано было ему сдѣлать подъ давленіемъ обстоятельствъ, при неизбѣжной растратѣ энергіи, причиненной обширностью и разносторонностью интересовъ и подъ гнетомъ постоянного сомнѣнія: осталось ли мѣсто для сочувствія безстрастному спокойствію чистой мысли среди громкаго шума дня и оглушающей болтовни суетнаго мнѣнія, которое жаждетъ только шума“.

Семь дней послѣ того, какъ были написаны эти слова, преисполненный меланхолиі гениа, Гегель палъ жертвой внезапнаго приступа холеры. Эта болѣзнь свирѣпствовала въ Берлинѣ все лѣто и заставила его удалиться съ семьей на дачу по сосѣдству. За все время вакацій Гегель почти прервалъ сношенія съ городомъ. Но за недѣлю до смерти онъ вернулся къ своему дѣлу, и, въ четвергъ и пятницу, 10-го и 11-го ноября, началъ свои лекціи съ пыломъ и энергіей выраженія, которые поразили его слушателей и въ которыхъ, можетъ быть, сказывалось отчасти ненормальное возбужденіе болѣзни. Въ субботу онъ еще исправлялъ университетскія обязанности; но въ воскресенье онъ внезапно заболѣлъ холерой, въ самой злокачественной формѣ, и слѣдующій день провелъ въ спокойномъ снѣ, не чувствуя никакого страха опасности. Онъ былъ похороненъ въ

мѣстѣ, имъ самимъ выбранномъ, около Сольгера и Фихте, его великаго предшественника. „Смерть его,—писалъ Варнгагенъ фонъ Энзе,—была такъ счастлива, какъ только можетъ быть смерть. Съ духомъ не ослабѣвшимъ, среди полной дѣятельности, на высотѣ славы и вліянія, окруженный доказательствами своего успѣха, довольный своимъ положеніемъ, принимая участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ и выказывая дружественную симпатію къ жизни столицы,—онъ отошелъ изъ среды всѣхъ этихъ интересовъ безъ сожалѣнія и горя; ибо свойство и названіе болѣзни были ему неизвѣстны, и онъ могъ уснуть съ надеждой на выздоровленіе. Но для насъ, что за ужасная потеря! онъ былъ краугольнымъ камнемъ нашего университета“.

Нѣтъ надобности прибавлять многого ко всему сказанному о личномъ характерѣ и гениі Гегеля. Что болѣе всего поражаетъ насъ въ его жизни и въ его философіи,—это соединеніе глубоко идеалистическаго, поэтическаго и религіознаго міровоззрѣнія съ тѣмъ практическимъ здравымъ смысломъ и той критической пронипательностью сужденія, которые обыкновенно составляютъ принадлежность умовъ другого рода. Внутреннее религіозное чувство, тонкія внушенія искусства, всѣ формы, въ которыхъ поэзія, религія и искусство выразили человѣческое сознаніе безконечнаго,—были для него открытыми тайнами, и въ этомъ-то элементѣ онъ жилъ и двигался съ величайшею свободой. Но хотя главная его сила заключалась въ его способности схватывать духовные процессы путемъ воображенія и умозрѣнія, непосредственные наблюдатели

его жизни не могли видѣть въ немъ идеалиста, а еще менѣе чловѣка, одареннаго поэтическимъ гениемъ. До сравнительно поздняго періода, когда возрастающая ясность самосознанія принесла съ собой большую свободу выраженія, онъ казался скорѣе чловѣкомъ съ сильнымъ умомъ и опредѣленными практическими цѣлями, безъ всякихъ суевѣрій и иллюзій. Въ школѣ самые близкіе его друзья очевидно смотрѣли на него какъ на веселаго и благоразумнаго товарища; преждевременная умѣренность его сужденій казалась несомнѣстимой съ представленіемъ о гении. Даже позднѣе поэтъ Гельдерлинъ, который отлично зналъ его, называетъ его „чловѣкомъ съ спокойнымъ прозаическимъ разсудкомъ“ (ruhiger Verstandes mensch), а Шеллингъ, хотя, правда, послѣ разрыва съ Гегелемъ, пишетъ о немъ въ томъ же смыслѣ. „Такой чистый образецъ внутренней и внѣшней прозы долженъ быть свято чтимъ въ наше чрезмѣрно-поэтическое время, ибо каждый изъ насъ имѣетъ отъ времени до времени отгѣнокъ сентиментальности, а противъ этого такой „духъ отрицанія“ *) есть хорошее исправительное средство“. Въ этихъ словахъ есть, конечно, нѣкоторая односторонность сужденія, которая можетъ быть объяснена только личнымъ раздраженіемъ; нельзя было видѣть въ Гегелѣ умъ прозаическій по существу послѣ появленія его „Феноменологіи“. Но въ такомъ сужденіи Шеллингъ вѣроятно возвращается къ тому первому впечатлѣнію, которое Гегель дѣйствительно могъ произвести на него, какъ на чловѣка, имѣвшаго слабость никогда не понимать требованій прозы.

*) Намекъ на Гётевскаго Мефистофеля.

Такое возрѣніе на характеръ и тенденціи Гегеля, несомнѣнно, вполне ошибочно. Критическое разумѣніе—пониманіе конечныхъ условій, которое составляетъ существо прозы и которое считается принадлежностью такъ называемаго *положительнаго* склада ума въ наукѣ и практической жизни—было сильно развито въ Гегелѣ. Но это отнюдь не было преобладающею чертой его гения, какъ мы это видимъ изъ его произведеній. Есть, однако же, причины, по которымъ такъ могли думать люди, смотрѣвшіе на Гегеля извнѣ. Одной изъ этихъ причинъ было то, что, хотя онъ несомнѣнно не былъ прозаиченъ, въ немъ совершенно не было того элемента, который часто ошибочно принимается за поэтическое чувство и который, въ приведенныхъ словахъ, Шеллингъ повидимому смѣшиваетъ съ нимъ. Онъ всегда былъ отзывчивъ на впечатлѣнія прекраснаго и идеальнаго и, какъ мы это видѣли, вся мысль его, въ теченіе долгаго періода времени, формировалась подъ влияніемъ греческаго искусства и литературы. Но онъ не былъ *сентименталенъ*, и онъ имѣлъ даже отвращеніе къ „чувствительнымъ изліяніямъ“, что не обычно въ Германіи и могло казаться еще болѣе необыкновеннымъ во времена Вертера. Поэтому онъ повидимому производилъ на своихъ соотечественниковъ такое же впечатлѣніе, какое обыкновенно производитъ на нихъ англичанинъ: они находили въ немъ недостатокъ сердечности и отзывчивости, а также—таково было естественное сужденіе менѣе сдержанныхъ натуръ—недостатокъ поэтическаго чувства. Однако исторія литературы не указываетъ на то, чтобы врожденныя способности

поэтического чувства и выражения были менее свойственны и многочисленны в Англии, чем в Германии. И немного найдется людей, которые с большим основанием заслуживают названия „поэтов в душе“, чем автор „Феноменологии“ и лекций об эстетике.

Другая характеристическая черта Гегеля была тѣсно связана с этимъ недостаткомъ такъ называемой „чувствительности“. Онъ никогда не „проходилъ публично своего учебнаго курса“ и никогда не сообщалъ свѣту своихъ мыслей прежде, чемъ онѣ созрѣвали. Едва ли онъ высказывалъ ихъ самымъ близкимъ друзьямъ. О значительныхъ трудахъ его молодости по исторіи и природѣ религіи, о которыхъ говорилось въ одной изъ предыдущихъ главъ, вѣроятно никто не слышалъ до тѣхъ поръ, пока они не были опубликованы его биографомъ; и очень вѣроятно, что для его друзей, какъ и для публики, его печатныя произведенія были первымъ откровеніемъ умозрительнаго гения, о глубинѣ и богатствахъ котораго они не подозрѣвали. Въ обществѣ Гегель искалъ отдыха, постороннихъ интересовъ, которые прерывали бы напряженіе внутренней мысли; и, исключая, можетъ быть, короткое время его союза съ Шеллингомъ, онъ никогда настоящимъ образомъ не философствовалъ съ кѣмъ-либо, никогда не развивалъ своихъ умозрѣній путемъ живого обмѣна мыслей, а всегда путемъ уединеннаго размышленія. Какъ онъ говорилъ и повторялъ неоднократно: „ни въ какомъ трудѣ не чувствуешь себя столь одинокимъ, какъ въ философіи“; и это особенно вѣрно относительно его собственной философской жизни, которая всегда скрывалась подъ

поверхностью внѣшней жизни, какъ тайный процессъ созрѣвающей мысли, и рѣдко показывалась другимъ иначе, какъ въ окончательномъ результатѣ. И потому тѣ, которые видѣли внѣшнюю жизнь трудолюбиваго наставника, издателя, школьнаго учителя, или также и тѣ, которые, позже, встрѣчали Гегеля за вистомъ или въ театрѣ, или слушали въ обществѣ его охотные разговоры объ искусствѣ и политикѣ, — обо всемъ, кромѣ философіи, — не могли подозрѣвать, что они почти ничего не видѣли и не знали объ этомъ человѣкѣ. Только въ самыхъ его трудахъ, какъ писателя и преподавателя философіи, внутренняя жизнь мысли, которая составляла для него все, проявлялась свободно. И даже въ профессиональномъ преподаваніи она открывалась такъ просто и непосредственно, дѣйствуя на слушателей своей собственной силой, а не ораторскимъ искусствомъ, что существенная глубина и сила его характера, такъ же какъ и поэтическое чувство, которое, такъ сказать, было сдержано строгостью его метода, были видны только немногимъ.

Слогъ Гегеля, во многихъ отношеніяхъ, есть зеркало его духа. О немъ можно сказать, что это хороший слогъ, испорченный желаніемъ научной полноты и точности и тяжестью концентрированнаго смысла, который онъ вынужденъ передавать. Это положительно такъ, ибо въ его раннихъ произведеніяхъ, напримѣръ въ ненапечатанномъ трактатѣ объ отношеніи позитивной и натуральной религіи, — мы находимъ легкость и плавность, которая отсутствуютъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ. Въ „Феноменологии“ уже есть много „отталкивающей

терминологіи“, на которую часто жаловались тѣ, кто не хочетъ допустить, что метафизику почти такъ же трудно излагать литературнымъ языкомъ, какъ и физику. Несмотря на это, не только въ этомъ трактатѣ, который есть образцовое литературное произведеніе Гегеля, но также почти во всѣхъ его трудахъ, когда предметъ позволяетъ это, находятся длинныя страницы, которыя по живости и красотѣ выраженія могутъ въ сравненіи съ слогомъ образцовыхъ писателей. Даже въ самыхъ затемненныхъ трудахъ его, на многихъ страницахъ встрѣчаются тѣ мощныя эпиграмматическія изреченія, освѣщенные діалектикой и поэзіей, которыми онъ любилъ подкрѣплять свои аргументы. Въ общемъ, однако, сила мысли и усиліе закрѣпить ее въ опредѣленной формулѣ слишкомъ велико, чтобы допустить нѣчто приближающееся къ чисто-литературной формѣ; и только при второмъ или третьемъ перечитываніи мы замѣчаемъ живые цвѣты воображенія, разбросанные среди твердыхъ камней на пути, черезъ который мы прошли. Трудность и темноту философской терминологіи и тяжелое развитіе безконечной діалектики — вотъ почти все, что видить сначала изучающій Гегеля; и только тогда, когда онъ научится прорывать эту наружную оболочку, онъ способенъ найти сѣмя истины, — истины поэтической столько же, сколько и философской, — которую она скрываетъ.

ГЛАВА VI.

Проблема философіи и ея постановка у Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля.

Особенную силу современной мысли составляетъ то, что она достигла яснаго сознанія конечности, относительности конечнаго міра. Въ наукѣ она положительна, т.-е. она не придаетъ частнымъ фактамъ большаго значенія, чѣмъ то, которое они имѣютъ; а на практикѣ она не связана никакимъ суевѣріемъ т. - е. не склонна относиться къ извѣстнымъ вещамъ и лицамъ, какъ бы къ таинственно освященнымъ. Исчезло то первоначальное непосредственное чувство страха и благоговѣнія, которое возникло изъ смѣшенія абсолютнаго и универсальнаго съ относительнымъ и частнымъ, или, проще сказать, изъ смѣшенія божественнаго съ человѣческимъ, идеальнаго съ реальнымъ. Художникъ и поэтъ еще смѣшиваютъ и отождествляютъ эти начала; ихъ дѣло — дать

Единому и краткому, бѣгущему мгновенно

Блаженной вѣчности покой.

Но мы уже болѣе не считаемъ художника или поэта за пророка; мы не можемъ серьезно и продолжительно поклоняться предметамъ, которыми они насъ восхищаютъ. Когда таинственный угасающій свѣтъ, „какого никогда на морѣ, ни на сушѣ не бывало“, удаляется отъ этихъ предметовъ, мы вынуждены признать, что его и не было вовсе, и мы относимся къ вещамъ и существамъ, на которыя онъ падалъ, какъ къ простымъ индивидуальнымъ вещамъ и существамъ, подобнымъ всѣмъ прочимъ вещамъ и существамъ, ихъ окружающимъ; мы не спо-